Aleksey V. Nikandrov
Lomonosov Moscow State University

ЕВРОПЕЙНИЧАНЬЕ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ БОЛЕЗНЬ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

EUROPEANISM AS A CIVILIZATIONAL DISEASE OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN THE CONTEXT OF THE CONFRONTATION BETWEEN RUSSIAN AND WESTERN CIVILIZATIONS

Diseases of the Russian and Soviet intelligentsia and Stalin's Aminazine (Thorazine)

Революционаризм русской интеллигенции и её преклонение перед Западом

Преклонение перед «просвещенным» Западом, в особенности перед «демократичной» и «человеколюбивой» Америкой, бездумное подражательство Западу и призывы к копированию всех без исключения, даже и сомнительных, «достижений» западной «цивилизации», без какого бы то ни было анализа и безо всяких размышлений, – все эти черты издавна свойственны некоторой части российской интеллигенции. Сильна была эта тенденция и в Советской России: так, многие советские интеллигенты насмешливо относились к тезисам о загнивании Запада, о противоречивости и внутренней порочности западной культуры и т.д. В наши дни едва ли кого-либо посещают сомнения относительно правдивости этих утверждений.

Преклонение перед Западом зародилось в среде определенной, и, прямо сказать, немалой, части русской интеллигенции практически одновременно с осознанием ею своей особой роли, самосознанием себя именно как интеллигенции; как раз около 1860-х гг., когда в русской общественной жизни и появилось само понятие «интеллигенция». Это понятие как-то сразу связалось с нигилистическими тенденциями русской политической мысли, и утвердилось такое убеждение («повестка», как сейчас говорят): «честный» интеллигент *обязан* противостоять государству; и можно быть кем угодно – анархистом, марксистом, народовольцем, конституционалистом, республиканцем, – но непременно оппозиционером, противником самодержавия, «революционным демократом»; наконец, нигилистом. Иначе – «приговор»: царист, монархист, реакционер, душитель свобод, враг прогресса и пр. Такая «установка», как всеобщее поветрие, в дальнейшем только усиливается, проникая повсеместно; просочилась она даже и в школу, – так что немногие интеллигенты могли этому противостоять.

Молодежь наивно принимала новые веяния и подчинялась им. Вот, к примеру, Л.А. Тихомиров, идейный лидер «Народной воли», переосмысливший в конце 1880-х гг. свои политические взгляды, и после этого поворота ставший во многом близким к идеям Н.Я. Данилевского,

вспоминает о годах своей учебы (а это как раз середина 1860-х гг.): «В классах высших, т.е. 5, 6 и 7, я имел вполне республиканские “убеждения”, да и как иначе? Я не слыхал ни единого слова в защиту монархии… В истории я учил только, что времена монархии есть время “реакции”, времена республики “эпоха прогресса”. Во всем, что читал, видел лишь то же самое». – Республика, прогресс – всё это означало революцию, отождествлялось с ней: «Я был революционер. Революцию *все*, все, у кого ни учился, выставляли некоторым неизбежным фазисом. Это была у нас, у молодежи, *вера*. Мы не имели никакого, ни малейшего подозрения, что революции может не быть. <…> Такая же безусловная вера была у нас относительно социализма, хотя понимаемого смутно, очень смутно» [24, с. 63].

Откуда же пришла эта вера, кто её зажег? Бывший революционер, политический мыслитель-монархист ясно отвечает на этот вопрос: «Эта вера в революцию была у нас создана опять же отнюдь не какими-то заговорщиками, эмигрантами и профессиональными революционерами. Это старинная “западническая” идея, пришедшая из Франции и вполне логично укоренившаяся в нашем образованном классе. Что мир развивается революциями – это было в эпоху моего воспитания *аксиомой*, это был *закон*. Нравится он кому-нибудь или нет, *она* придет в Россию, уже хотя бы по одному тому, что ее еще не было; очевидно, что она должна прийти скоро» [25, с. 91].

Интеллигенция, по новой «моде», должна идти в народ, неся ему «свет» с Запада и «дары» просвещения: свобода, прогресс, народовластие, республика, социализм, – одним словом, цивилизацию. Однако интеллигенция имела крайне отдаленное понятие о народе и о его жизни. Вот в другой работе Тихомиров рассказывает: «Мы не имели понятия о народе, о его стонах и радостях, о его действительных бунтах, о его воззрениях на свободу и неволю. Сидит, бывало, какая-нибудь хорошенькая барышня в золотом пенсне, в модном платье, которого еще не успела переменить на якобы крестьянские лохмотья, и тоненьким голоском распевает:
Свобода, свободушка, воля вольная!
Что ж ты к нам, лебедушка, нейдешь, не летишь?..» [24, с. 90].

Интересный штрих о золотом пенсне. С.А. Викторова-Вальтер, одна из участниц «хождения в народ», вспоминает: «Одна из наших радикалок отправилась в деревню под Москвой и стала пропагандировать социализм. Поселилась она там временно как простая крестьянка и работала, как все бабы. Однажды ей понадобилось вытащить из колодца ведро воды, и так как она близорука, то надела на нос пенсне. Боже мой, какую сенсацию вызвало это среди баб! Вся деревня сбежалась смотреть на чудо!» [10, с. 113]. О своем хождении и впечатлениях от него вспоминает Н.И. Сергеев: «Я ждал услышать жалобы на горькую судьбу, рассказы о тяжкой доле, гневные речи о виновниках разоренья и нищеты – помещиках и капиталистах, о правительственной власти. Но толпа или слушала рассказы старых солдат об их походах и сражениях, или бывалых людей о разных приключениях из бродячей их жизни, повествования о проделках деревенских богатеев, о

мирском пьянстве, но ни слова, как мы ожидали, – на “политические темы”. Видимо, глух был тогда народ к нашей проповеди, не подготовлен он был слушать тогда наши речи о его горькой доле и средствах избавиться от нее» [10, с. 54–55].

«Эволюция Л.А. Тихомирова, движение его мысли к консерватизму и традиционализму, – утверждает А.А. Ширинянц, – означала и изменение представлений об интеллигенции. <…> Она одержима лишь одной идеей, идеей “пересоздания” страны, “переделки” России по “самоновейшим”, “прогрессивным” фасонам, хотя на эту миссию ее никто не уполномочивал. Интеллигенция оторвана от живого народа, от тела нации, она даже не задумывается над вопросом о том, а “нужно ли такое пересоздание” России, тем самым интеллигенция ставит себя на грань измены стране» [28, с. 138].

Народу следовало доказать, убедить его в том, что он невыносимо страдает, будучи жертвой самодержавия (для интеллигенции это было самоочевидно, она сама была в этом убеждена), – и надо только сбросить оковы царизма, «снести долой самодержавие», по выражению Л.А. Тихомирова. Сделать это народ, по убеждениям народников, был способен сам. Затем революционеры пришли к выводу о том, что сам народ все же не способен «освободиться», так что его освобождение – дело революционной партии. Выполнив свою миссию, социально-революционная партия должна была передать власть народу, – её «законному собственнику». Подобные идеи будут развиваться преемниками «Народной воли» – большевиками, которые сделают упор уже не на народ, а на пролетариат – мессианский класс, призванный историей к освобождению человечества. В любом случае претворять в жизнь прогрессивные, освободительные идеи – вне сомнений – считалось уделом интеллигенции, ставшей в России XIX века «политическим классом», влиятельной силой, с которой нельзя было не считаться.

«Уже после того как в сознании русского общества “интеллигенция” стала социальной категорией, – как бы подводит итог Л. Киейзик, – прогрессивные писатели и публицисты XIX в. начали использовать это понятие как идеологическую категорию и определять им тех, кто боролся за общественные преобразования. К 80-м годам XIX столетия выкристаллизовалась новая формулировка: уже недостаточно было быть просто образованным и участвовать в общественной жизни, чтобы быть интеллигентом; нужно было протестовать против всей политической и экономической системы старого режима и быть готовым выступить за ее свержение, т.е. теперь быть интеллигентом означало не что иное, как быть революционером» [20, с. 110].

Безусловно, принципы революционности интеллигенции в её противостоянии государству были сопряжены и взаимно усиливали друг друга. При этом дело вовсе не обстояло так, что преобладающая часть интеллигенции в России была представлена непременно отщепенцами и нигилистами. Скорее, «нигилисты», если их рассматривать как единое целое, были сильны, с одной стороны, своей политической экзальтацией, заставляющей всех без исключения обращать на них внимание; с другой же –

взаимной порукой и общей редкой по интенсивности ненавистью к тем, кого они называли «реакционерами» и «защитниками самодержавия», т.е. к своим врагам. Их же «фундаментальным» врагом, как они полагали и во что *верили*, было само российское самодержавное государство; так что обвинения в антигосударственной по сути деятельности, предъявляемые «нигилистам», были более чем обоснованы. Так, характерно и эмблематично выступление в 1909 г. группы авторов сборника «Вехи», предъявивших русской интеллигенции обвинения в том, что её политическая деятельность привела к разрушительным для государства последствиям.

Главная идея, выраженная авторами «Вех», состоит в том, что вмешательство интеллигенции, находящейся в плену радикальных доктрин и теорий, в политический процесс, способно привести к национальной катастрофе (как оно по прошествии недолгого времени и оказалось). Авторы «Вех» разоблачают антигосударственную сущность радикальной интеллигенции, раскрывая ее моральный (точнее, аморальный) облик, описывая его в понятиях «героизм» (С.Н. Булгаков) и «отщепенство» (П.Б. Струве). Под «героизмом» С.Н. Булгаков понимает отсутствие чувства ответственности у радикальной интеллигенции, для которой все позволено, а «с максимализмом целей связан и максимализм средств» [4, с. 68]. П.Б. Струве пришел к выводу о том, что «идейной формой русской интеллигенции является ее *отщепенство*, ее отчуждение от государства и враждебность к нему» [4, с. 230].

Итак, все идеи, вдохновленные «лидером прогресса», т.е. Западом, оказывались непременно и без исключений направленными против самодержавия, русского “Ancien Régime”. При этом мало кто хотел задуматься, в самом ли деле самодержавие так реакционно, как в этом убеждали западные мыслители (главным «антицаристом» из которых был К. Маркс); не было ли в нем чего-то позитивного? Действительно ли русский народ желал непонятной свободы, или же это желание было приписано, а затем навязано ему? Революционеры, ослепленные жаждой «освобождения народа», не задавались такими вопросами, охваченные фанатичным желанием «освободить народ» любыми методами, вплоть до террора. Они были готовы умереть за народ, но совершенно не готовы были признать даже и возможности критики своей позиции, а тем более сомнений в ней. Вот характерный случай. Бывший революционер А.М. Редько рассказывает: «Среди людей, со мной близких в ту пору, была дочь известного деятеля по народному образованию А.А. Неболсина, девушка умная, насквозь пропитанная идеями долга и прямолинейная. <…> …Она сказала, что в терроре она разуверилась, что других средств борьбы она не видит, а потому не хочет больше жить и просит помочь ей достать какой-нибудь яд (я был тогда технологом-химиком). <…> Я убеждал ее, что, кроме террора, возможны другие методы борьбы во имя освобождения народа, можно пожертвовать свою жизнь, уйдя в деревню, отдав ее целиком на служение мужику, мужицкой темноте и мужицкому бездолью. Но А.А. Неболсина ответила мне фразой, которая и сейчас звучит у меня в ушах: “Умереть за

народ я могу, а жить для него не могу. Я почти ненавижу его“. Я знал, что это не фраза… <…> …А.А. Неболсина в конце концов все-таки покончила с собой…» [10, с. 464].

Каким же образом нигилизм и антигосударственный революционаризм интеллигенции оказался связан с ее преклонением перед европейскими течениями мысли, перед Европой как неким целостным духовным организмом? Ведь и А.С. Пушкин был поклонником западноевропейского либерализма, прежде всего в лице Б. Констана, однако же это не привело его к убеждению о необходимости свержения монархии, равно как и к антигосударственным выводам вообще? Собственно, и Б. Констан, и А. де Токвиль, и Дж.Ст. Милль, и другие классики политической мысли Запада XIX века, сами вовсе не были антиэтатистами и уж тем более не боролись против своих государств. Ясно, что тут дело не во влиянии политической мысли Запада на мысль России; во всяком случае, такое влияние нельзя считать определяющим. Как же иным образом, нежели через теории, концепции, доктрины, Западом оказывалось столь сильное влияние на русскую интеллигенцию; как она без сопротивления и даже с охотой преклонилась перед чуждым ей Западом и исполнилась отвращения, доходящего до ненависти, к своему Отечеству? Ведь сама жизнь на Западе никогда не приводила в восторг всех тех россиян, которые там жили – неважно даже, подолгу или нет – включая сюда и самых антигосударственно настроенных; к тому же, многие из последних, познакомившись с Западом близко, теряли к нему всякую привязанность и стремились возвратиться в Россию, пересматривая свои давние враждебные идеи в отношении России и перечеркивая их.

Почему же нигилизм и отщепенство оказываются направленными на разрушение российского государства, настроенными против самодержавия? Как простое увлечение западными идеями, западной культурой может заставить интеллигента обратиться против своей страны? На этот вопрос отвечает Н.Я. Данилевский в своей замечательной работе «Россия и Европа», и ответ на этот вопрос достаточно прост: Запад фундаментально враждебен России, и эта враждебность пропитывает всю его культуру, пронизывает весь организм Запада. Вражда, ненависть – политическая и психологическая доминанта Запада в отношении России, они неизбежно *заражают* тех, кто тем или иным образом соприкасается с Западом. При этом Запад выступает достаточно убедительно и с позиции превосходства, так что способен оказать *подавляющее* впечатление. Запад может выглядеть эффектным, блестящим, даже ослепляющим, он легко может заставить других почувствовать собственную никчемность, уязвимость, ничтожество; и затем навязать желание подражать ему, преклоняться перед ним, следовать его «учителям» во всем, не подвергая никакие воззрения критике и не игнорируя никакие «рекомендации» адептов «глобалистского варианта культурного прозелитизма» (термин В.Н. Расторгуева, см.: [19, с. 23]). В качестве современного примера можно привести «демократический прозелитизм» США – комплекс идей «продвижения демократии» (promotion of democracy)

как благообразный способ жесткого навязывания собственных императивов остальному миру. Такова сила европейского влияния, и это – более чем серьезная сила, с которой нельзя не считаться, а её истоки и методы противостояния ей следует вдумчиво изучать и кропотливо разрабатывать. Этому посвящен главный труд Н.Я. Данилевского.

Н.Я. Данилевский: европейничанье как болезнь русской жизни

Причиной нигилизма, русофобии, революционаризма, отщепенства и иных подобных симптомов, согласно Н.Я. Данилевскому, является европейничанье. Это, по Данилевскому, – болезнь русской жизни, но правомернее назвать ее все же болезнью русской души. Мыслитель рассматривает формы болезни, её симптомы; причины, вызвавшие ее; предлагает методы излечения; или, во всяком случае, разрабатывает стратегию, которая может привести к благополучному исходу. Необходимо до конца договорить то, о чем хотел сказать и предупредить мыслитель: европейничанье – это болезнь душевная, своего рода, пользуясь термином немецкой психиатрии XIX века, «единый психоз» российской культуры и политики (т.е., говоря медицинскими терминами, именно самостоятельная нозологическая единица, а не синдром). Это – *бредовое влечение* интеллигенции. Суть его ясна из названия, но сразу же возникает вопрос: что собственно, опасного может быть в восхищении культурой Европы и даже в низкопоклонстве перед ней, пусть даже она и враждебна России? Отчего вообще считать «европоманию» именно болезнью («евроаддикцией» или «евроинтоксикацией»), а не легким функциональным расстройством или простым увлечением, вообще не имеющем никакого отношения ни к каким недугам и расстройствам? Дело в том, что данное бредовое расстройство душевной жизни страны имеет опасные последствия, отнюдь не сводящиеся к неким культурным девиациям или перверсиям в искусстве, которые сами по себе непосредственной опасности не представляют. Ведь дело не может ограничиться влиянием на культуру, ибо культура, подвергшись враждебному воздействию, оказывает влияние и на общественную практику России, и на её внешнюю политику. Пожалуй, в наши дни эта мысль вряд ли вызовет возражения ввиду своей самоочевидности, однако вслед за Данилевским необходимо развернуть её, проследив, как на первый взгляд невинное «увлечение» приводит к пагубным последствиям.

Говоря о формах европейничанья, Данилевский называет три таких формы, и самая опасная из них – третья, «самая пагубная и вредная», которая «состоит в смотрении на явления внутренней и внешней жизни России с европейской точки зрения и сквозь европейские очки. Этот взгляд, во что бы то ни стало старающийся подводить явления русской жизни под нормы жизни европейской, делая это или бессознательно (вследствие иссякновения самобытного родника русской мысли), или даже сознательно (с тем, чтобы придать этим явлениям почет и достоинство, которого они были бы будто лишены, если бы не имели европейского характера), произвел много

недоумений и всяческой путаницы в области науки и неисчислимый вред на практике» [8, с. 288]. Это – та самая черта, которую император Александр III называл «обезьянничанием перед Европой».

Казалось бы, разве не нигилизм и иные сугубо антигосударственные направления мысли и практики должны составлять суть недуга? Разве не против них должны быть направлены усилия государственной власти? Нет: причина тут, по Данилевскому, именно в признании чужого и чуждого европейского взгляда, мнения – нормой, эталоном; а Европу – судьей, т.е. тем, кто выносит приговор, инстанцией истины. Ведь, подчеркивает философ, «и нигилизм, и аристократизм, и демократизм, и конституционализм составляют только весьма частные проявления нашего европейничанья; самый общий вид его, по-видимому менее зловредный, в сущности же гораздо опаснейший их всех, есть наше балансирование перед общественным мнением Европы, которую мы признали своим судьею, перед решением которого трепещем, милость которого заискиваем. Такое отношение к иностранному общественному мнению, даже если бы оно не было радикально-враждебно всему русскому, не может не лишить нас всякой свободы мысли, всякой самодеятельности» [8, с. 294]. В итоге нравственным мотивом действий для российских мыслителей и политиков вместо интересов государства становится «трусливый страх перед приговорами Европы, унизительно-тщеславное удовольствие от ее похвал» [8, с. 294], т.е. чуждые интересы, навязанные враждебной силой. Рассуждая о европейничаньи, Ф.И. Гиренок пишет: «Что это за болезнь? Это трусливый страх перед приговорами Европы. И одновременно удивительно тщеславное удовольствие от ее похвал» [5, с. 195].

Увлечение Европой, влечение в ней, приводит, говорит Данилевский, к «духовному плену и рабству» [8, с. 300], т.е. к тому же, к чему приводят человека влечения к веществам, изменяющим сознание, – собственно, к изменению сознания настолько, что наступает забвение своих интересов и в конечном счете самого себя, к самораспаду. Для этого вполне достаточно, чтобы «евроаддикция» овладела достаточной частью интеллигенции и политиков, – в любом случае общество и общественное сознание будут расколоты, и следовательно, неспособны не то чтобы на противодействие, но даже и на осознание происходящего. Между тем, заостряет Данилевский, сама Европа, хотя и никогда не была единым политическим телом, в своей ненависти к России вполне сохраняет единство и боевой настрой, так что «каковы бы ни были разделяющие Европу интересы, все они соединяются в общем враждебном чувстве к России. В этом клерикалы подают руку либералам, католики – протестантам, консерваторы – прогрессистам, аристократы – демократам, монархисты – анархистам, красные – белым, легитимисты и орлеанисты – бонапартистам» [8, с. 298]. Сегодня эти слова звучат поразительно актуально!

По тем линиям, по которым российское общество раскалывается, а общественное сознание его становится, согласно общепринятой терминологии, шизофреничным, – Европа не только сохраняет единство, но и

усиливает его. Более того, своё единство она обретает именно в этом противостоянии: анализируя концепцию Данилевского, Б.П. Балуев сжато формулирует его вывод, суть которого состоит в том, что «Европа предстает целостным, единым политическим организмом каждый раз, когда она определяет свое отношение к России, к славянству» [2, с. 256]. При этом Европа не устает обвинять Россию в агрессивности, враждебности и т.д., что является не более чем лживым притворством, фарисейством; а в наши дни – вызывающем отвращение фарсом.

Нередко в отечественной литературе проскальзывает мысль о том, что русская идея – это «попытка саморефлексии, построенная в контраст “Западу” и его ценностям» [21, с. 74], т.е. результат интеллектуальной конфронтации с Западом. Соответственно, делается вывод: «Русская культура как будто не мыслит себя вне этой конфронтации. Без вызова “Запада” не вполне понятна и “русская идея”: ведь это попытка выразить собственную идентичность прежде всего как другую по отношению к “Западу”» [21, с. 75]. На деле же, как доказывает Данилевский, всё ровно наоборот: получается, что сама «европейская идея», т.е., в общем смысле, совокупность концепций европейского единства, во многом выстраивается, имеет свои основания и обретает смысл в противостоянии России.

Следует заметить, что российские русофобы, лакействующие перед Европой и оплевывающие свою страну, никогда не вызывали «ответной симпатии»: таких презирают и их «заказчики»: «Многие русские мыслители, – говорит Б.П. Балуев, – неоднократно замечали, что те русские интеллигенты, которые старались заслужить комплименты на Западе хулой на свою страну, холуйским поношением русского народа, как правило, вызывали к себе там снисходительно-презрительное отношение. “И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, – писал в 1877 году в “Дневнике писателя” Достоевский, – тем более они презирали нас самих”» [2, с. 240]. Тем не менее, продолжает исследователь творчества Н.Я. Данилевского, «эти увещевания русского гения, однако, мало воздействовали на находившуюся в угаре европейничания интеллигенцию. “Общечеловеческие ценности”, европейская цивилизация как их образец – все это для нее было важнее “национального эгоизма”, которым клеймились малейшие проявления патриотического чувства. Ряды интеллигентов, лакействующих перед западным “общественным мнением”, продолжали пополняться…» [2, с. 240–241]. – Б.П. Балуев подводит итог: «Итак, “европейничание” образованных кругов России, в том числе и части высших сановников, Н.Я. Данилевский воспринимал как серьезную, опасную болезнь, угрожающую не только здоровью страны, но и самому ее существованию. Ибо это “европейничание” по наблюдению Данилевского, не только не ослабляло накал враждебности Запада к России, а скорее наоборот – как бы поощряло эту враждебность и ее проявления» [2, с. 267].

Следуя логике Данилевского, мы вправе поставить вопрос: если европейничанье – коротко говоря, психоз, то чем же тогда является европейская фундаментальная русофобия, если не таким же психозом?

Влияние Европы таково, что лишает разума и увлекает к буйству, разладу и разложению. Предостережение и жесткий, беспощадный диагноз мыслителя в полном объеме не был принят современниками: по словам Б.Г. Дверницкого, «несомненно, Н.Я. Данилевский был плохо понят своими современниками, и не только “прогрессивными” как Вл. Соловьев, но и консервативно настроенными. Даже Ф.М. Достоевский после первого и сильного увлечения в последние годы охладел к мыслителю за его излишнюю критику Европы. Перед ее “священными камнями” Данилевский не был готов лить слезы» [9, с. 66]. Да и в наши дни, хотя Россия все в большей степени убеждается в правоте Данилевского относительно усиленно подтверждаемой самой Европой (теперь давно уже собой не управляющей) фундаментальной своей враждебности, – но, тем не менее, по словам А.В. Буренкова, «российская политическая и общественная элита, по-прежнему, как и во времена написания Н.Я. Данилевским “России и Европы”, считает Россию частью западной цивилизации, поэтому оказывается неспособной сформулировать адекватную политическую программу действий» [3, с. 12].

Нельзя не согласиться также и с выводом Ф.М. Кулиева и Н.В. Кулиевой, которые утверждают: «Проблема “европейничанья”, исследованная Данилевским, является актуальной и сегодня. Эта тема превращена в объект острой полемики в формирующемся гражданском обществе в нашей стране. Сегодня сформировалось чёткое убеждение о повышении значения традиций в культуре, необходимости учёта национальных особенностей культурного развития, бесполезности деятельности и вреде слепого копирования образцов иных культур. Современное российское общество продолжает оставаться зараженным болезнью “европейничанья”. Поэтому общественности стоит прислушиваться к голосу деятелей, разделяющих точку зрения Данилевского» [12, с. 93].

История России показала такое развитие идей Данилевского, какого ни он сам, ни кто-либо иной не смог бы и представить: марксизм – т.е., по духу концепции Данилевского, европейничанье par excellence, острая форма «единого психоза», – в XX веке овладел Россией, перевернул её историю; но и сам был поставлен на службу нашего государства, привел Россию во второй половине XX века к таким вершинам мировой истории, которых она не достигала до этого. И.В. Сталин воплотил в жизнь многие идеи Н.Я. Данилевского – и в том, что касается союза славян, и в том, что касается отношения к Европе, и в том, что касается лечения интеллигенции от болезни европейничанья, в эпоху Сталина называющейся «космополитизмом». Однако суть дела даже и не в этом. Сталин руководствовался во всех своих решениях и делах исключительно интересами государства, определяя этими интересами и развитие марксистской теории; а этот принцип – интересы государства должна стоять на первом месте – был отправным пунктом политической философии Данилевского. Небезынтересно, что источником учения о России как о государстве-цивилизации В.Н. Расторгуев считал политическую философию Данилевского: «Основная мысль Н.Я. Данилевского, которая и составляет суть концепта “Россия как государство-

цивилизация", заключена в том, что сильная держава – самый надёжный гарант сохранения Русского мира и нашей цивилизационной идентичности. Данилевский сравнивал Российское государство с прочной "скорлупой" русской цивилизации, защищающей её ядро, подчёркивая, что без ядра и скорлупа не нужна» [19, с. 13].

Марксизм – западное учение, обращенное против Запада

Как и почему увлечение европейскими идеями приводит к распространению идей нигилизма? Не обстоит ли дело так, что те идеи, которые преобразуются на нашей почве в то, что можно назвать общим именем нигилизма, вполне подходят к нашей обстановке, ведь в противном случает они отторгались бы и проходили без следа? Увы, хотя эти идеи чужды России, привязанность интеллигенции и политиков к Европе, их завороженность её идейными продуктами делает их – и благодаря этому общество – бессильными против враждебного идейного влияния. Хотя нигилизм и чужд России, но к нему в ней не оказалось иммунитета: собственно, иммунитетом должна обладать сознательная часть российского общества, тогда как она с большим удовольствием и даже рвением поддается влиянию болезни, не думая сопротивляться ей вовсе. Рельефно это показывает Тихомиров, вскрывая, как при определенном понимании вреда нигилизма для русской души молодежь тем не менее не могла ему противиться: «Все это нигилистическое воспитание, при всей резкости, было, однако, полно противоречий. Идеи коммунизма и идеи безграничной свободы. Отсутствие обязательности и требования нравственности, неизвестно для чего и по какому праву. Республика – и невозможность ее. Вдобавок – борьба всего этого с основным *русским* фондом души. Получался хаос, противоречия. Ничего ясного» [24, с. 64].

Так нигилизм как внутриполитическое следствие европейничанья, оказался, пожалуй, наиболее востребованным «продуктом», и соответственно, этот симптом – или, лучше сказать, «осложнение», – получило наибольшее развитие. Данилевский, как утверждает Б.П. Балуев, «объясняет распространение нигилизма исключительно болезнью подражательности Западу, широко распространенной в российской интеллигенции. Все новейшие теории, включая социалистические идеи Маркса и Лассаля, утверждает Данилевский, немедленно брались на вооружение, становились очередной модой. Причем всякая бездумная подражательность по принципу: раз это самое последнее слово Запада, значит, самое верное – всегда приводит к карикатуре, считает Данилевский» [2, с. 58].

«Что такое нигилизм? – Спрашивает Н.Я. Данилевский. – Нигилизм есть последовательный материализм, и больше ничего. <…> Без самобытного развития, привыкши верить на слово нашим иностранным учителям и в последнее время будучи обучаемы исключительно немецкою наукою, мы заразились самоновейшим и самомоднейшим ее направлением, которое не встречало ни внутреннего, ни внешнего противодействия» [8, с. 292].

Данилевский развивает идею связи нигилизма и материализма, вскрывая их общий источник – Германию: «…Материализм есть не только корень нигилизма, но в теоретическом смысле даже совершенно с ним совпадает. Разве имена Фейербаха, Штрауса, Штирнера, Фохта, Молешотта, Бюхнера, Геккеля не имена корифеев и учителей нового материализма? Не они ли вместе с тем духовные отцы и родоначальники нашего нигилизма? Ибо, если это учение исходило в прошедшем столетии из Франции, от энциклопедистов и последователей их, то со второй половины настоящего столетия, и даже несколько ранее, не вырабатывалось ли оно преимущественно в Германии и не оттуда ли перешло и к нам?» [7, с. 302].

Интеллектуальным апофеозом нигилизма-материализма явился в России марксизм, развития которого Данилевский не застал, но который, согласно учению Данилевского, безусловно квалифицируется как вид европейничанья. Начало распространения марксизма в России от мыслителя, конечно, не укрылось: «Не остались незамеченными Н.Я. Данилевским и такие события, как основание 1-го Интернационала в 1864 г. и выход первого тома “Капитала” Маркса в 1867 г. Данилевский упоминает в негативном плане и о коммунизме, и о Марксе в ряду имен, которым бездумно начинает поклоняться российская интеллигенция» [2, с. 85].

Мыслитель показывает связь европейского нигилизма и социализма, четко показывая взаимосвязанность европейских философских и политических идей: «Но не только чистый теоретический нигилизм заимствован нами оттуда, – не оттуда ли перешел к нам и социализм в новейшей форме его развития? И как для первого прямыми и непосредственными учителями конечно были означенные немецкие материалисты, так для последнего такими же учителями были для нас Лассаль, Маркс и другие немецкие социалисты» [7, с. 303].

Что же такое марксизм в отношении к истории нашей страны, чем он был и чем он стал для нее?

А.С. Панарин рассматривает марксизм (равно, впрочем, как и неолиберализм) как «великое учение» (синонимы: «передовая идеология», «многообещающая утопия»), рожденное на Западе, затем «импортированное» и использованное большевиками в качестве основы проекта построения принципиально нового общества и государства. Ученый отмечает, что и марксизм, и либерализм (неолиберализм) по своему влиянию на Россию оказались разрушительными по причине враждебности самому образу и сущности России. При этом второе «великое учение», импортированное уже не из Германии, а из Америки, оказалось куда как более разрушительным ввиду того, что оно представляло собой сплав антигосударственных и антинародных идей, служащих «великодержавному глобализму Америки» [16, с. 92], а главной его задачей является сведение человека до уровня винтика рыночного мирового «антилевиафана». В этом смысле трактовка А.С. Панариным неолиберализма как «великого учения»

довольно близка к концепции «западнизма» и «западнизации» А.А. Зиновьева.

Предназначение «великих учений», по Панарину, «не в том, чтобы в самом деле сделать нашу жизнь в истории упорядоченной и открыть ее законы; роль их скорее в том, чтобы воодушевить и обнадежить нас, подвигнуть на риск решительных коллективных акций. Вооруженные “учением” люди, как правило, большего добиваются в политике: не потому, что учение верно, а потому что оно мобилизует волю и энергию, которыми не обладают те, кто изначально проникся скепсисом и не ждет особых перемен к лучшему» [17, с. 47–48].

В своей критике марксизма как «великого учения», разрушившего Российскую Империю, Панарин оказывается прав. Прав он и в том, что марксизм сам по себе не предназначен для государствостроительства, являясь скорее теорией, направленной против государства как такового: единый субстанциально пролетариат, захватив власть и собственность, разрушит старые государства и границы, национальные различия будут постепенно стёрты, – так что для государства в мире будущего места не остается, оно – точнее, они, многочисленные государства, будут отмирать. Нет в марксизме и места для категории «народ», который сводился к «эксплуатируемой массе», противопоставляемой «эксплуататорам».

Казалось бы, ничего хорошего марксизм России принести не мог; и это при том, что мы не говорим здесь о личном крайне враждебном отношении двух немецких основоположников к нашему государству. Но тем не менее именно эта доктрина, будучи преобразованной под задачи Советского государства (и в этом нельзя не усмотреть иронию истории политических идей) стала для СССР основой его духовной жизни, принесла серьезные положительные результаты, и в результате сыграла роль консолидирующей идеологии советского общества и стала идейной основой советской цивилизации. Маркс и Энгельс были поставлены на службу Советскому государству, встав в ряды российских государственников начиная с Александра Невского (что, безусловно, крайне озадачило бы двух немецких мыслителей – основоположников марксизма, которые была бы безмерно удивлены, узнай они об этом каким-то мистическим образом).

Дело в том, согласно учению А.С. Панарина, что мессианская роль России, которую философ формулирует как защита слабых против сильных (в метафизическом и историософском смысле), была воспринята и СССР. Подобную же постановку мы находим у известного историка, академика Ю.А. Полякова: «Называя себя “святой Русью”, “народом-богоносцем”, говоря, что “Москва – третий Рим, а четвертому не бывать”, русский народ привыкал к мысли о своей исключительности. Исключительности в особом смысле. Не в плане стремления к господству над другими народами, не в плане расового превосходства, наличия особых качеств, ставящих русских над другими. Исключительность – только в предназначенной для России мессианской роли, в ее готовности прокладывать **для всех** дорогу в будущее, жертвуя, если понадобится собой» [18, с. 60]. По сути, речь идет о том, что

«русская идея» не умерла, но кардинально изменила формы, став идеей советской, смыслом советского мессианизма. И в этом Панарин, – пишет В.Л. Курабцев, – «парадоксально прав, потому что Империя перешла из рук в руки с неизбежной преемственностью. Перешла и мессианистическая заданность России, детерминированная величайшими масштабами страны, вопросами сильной обороны (во враждебном окружении), геополитическими, идеологическими и другими интересами СССР» [13, с. 65].

«В советский период отечественной истории, – говорит Е.Н. Мощелков, – “русская идея” претерпела метаморфозу, трансформировавшись в “советскую идею”, во многом воспринявшую переиначенные принципы имперства и мессианства предшествующего периода. <…> Концепция и политика “Москва – третий Рим” трансформировалась в идеологию и практику “Москва – Третий Интернационал”, “Москва – центр мирового коммунизма”. <…> Советской России опять было, что сказать миру и куда позвать его» [14, с. 76].

Е.С. Громов, исследовавший сталинские методы руководства литературой и искусством, заключает: «В XX столетии, в сталинскую эпоху, русская идея претерпела существенную метаморфозу. Из нее было вынуто не одно православие, но и открытость русского человека ко всему миру, к общечеловеческой культуре и ценностям. И все же нельзя не восхититься внутренней силой, многомерностью самой русской идеи, ее глубочайшей укорененности в исторической памяти нашего народа. Не обращаясь, пусть даже бессознательно, к русской идее, игнорируя ее, Сталин не мог править страной» [6, с. 171].

Г.П. Федотов, называя образ и сущность правления Сталина «новым самодержавием», коротко отвечает на вопрос, почему «Маркс и Александр Невский в одной галерее предков?» [26, с. 53], т.е. почему установление нового образа и способа правления оказалось возможным: «В России новое самодержавие удалось потому, что оно пришло на смену старого» [26, с. 60].

Тождественность сути русской мессианской идеи в её советской, т.е. уже безрелигиозной ипостаси, отмечал и Н.А. Бердяев, который, по словам А.А. Целыковского, «не просто проводит аналогию между мессианской идеей “Третьего Рима” и коммунистической идеологией, он говорит о единых истоках русского религиозного мессианизма и русского коммунизма. По мысли Н.А. Бердяева, идеология Третьего Интернационала является духовной “наследницей” религиозной идеологии Третьего Рима» [27, с. 111]. Западные идеологи, исследующие русский мессианизм в его исторической динамике, как правило, связывают его с догмой «агрессивности» России.

Марксизм был для Советской страны не только основой построения социалистической идеологии, сплачивающей социальные слои и народы нашей страны. СССР благодаря марксизму стал, пусть и на небольшой по историческим меркам срок, первой из двух сверхдержав мира, одним из двух «учителей мира», в том числе и Европы, из рук которой это учение наша страна и получила. Марксизм в руках партии стал и орудием защиты от враждебных сил и идей, – идей, разумеется, западного происхождения.

Недаром наша коммунистическая партия определяла себя как силу, *вооруженную* марксистско-ленинским учением. Получалось так, что западное учение, вместо того чтобы разрушить Россию, наоборот, стало для нее и оборонительным, и наступательным оружием. Западное идейное творение, призванное стать инструментом влияния Запада, было обращено против Запада! От привычной стратегии нападения агрессивный Запад был вынужден перейти в оборону, громогласно крича о «советской угрозе». Новое советское интеллектуальное орудие достаточно серьезно воспринималось нашими оппонентами, вызывало у них большие опасения. Эти опасения имели основания: после Второй мировой войны западные компартии, прежде всего во Франции и Италии, приобретают большое влияние в европейской политике, а марксизм, как бы вернувшись с Востока, где он исполнился силой, начинает свое триумфальное шествие по Европе.

Можно много говорить о западноевропейском интеллектуальном крестовом походе против марксизма середины 1950-х гг. под названием «конец идеологии», «деидеологизация», однако следует ограничиться описанием личного идейного похода против марксизма правого интеллектуала, убежденного атлантиста Раймона Арона, автора памфлета «Опиум интеллектуалов» (1955).

Чем объясняет Арон силу марксизма, в чем он видит причину столько мощного влияния этого учения на западноевропейских интеллектуалов? – В том, что марксизм представляет собой, по сути, «секулярную религию»; его сила состоит в том, что он «присваивает вечное стремление к справедливости, он предсказывает торжество обездоленных», то есть ведет к спасению, – а спасение невозможно вне церкви, то есть партии, которая «не может и не смеет ошибаться, так как она проповедует и воплощает в себе историческую правду» [1, с. 83].

Цель Арона – разоблачить то, что он называет «марксистской мифологией» или «сталинской схоластикой», показать, что для коммунистического движения в Западной Европе нет никаких реальных оснований; что интеллектуалы, следуя «марксистской парадигме», находятся под воздействием «опиума для интеллигенции» (так он «квалифицирует» марксизм), т.е. ослеплены марксистскими мифами (о пролетариате, о классовой борьбе, о социалистической революции). Этим «марксистским мифам», убежден Арон, следует противопоставить интеллектуальное оружие, разработав комплекс наступательных антикоммунистических идеологем. Интеллектуалов следует образумить, показать им вред «наркотика».

Чем же Арон предлагает заместить марксизм, в чем суть его «заместительной терапии»? Французский интеллектуал предлагает «достойный заменитель», нечто вроде «валиума» для интеллектуалов, – и это American way of life, или американизм. Американизм, в трактовке Арона, – это позитивная система жизненных взглядов, основа спокойной жизни «хорошего общества». «Американизм не формулируется системой понятий или предположений; он не знает коллективного спасителя, ни завершения истории, ни причины, определяющей развитие… Американизм не знает

разработанного правоверия или официального толкования» [1, с. 215]. Он не имеет «побочных действий» в виде ажитации и стремления к борьбе за что-либо, – наоборот, это «лекарство» помогает размеренной жизни без ненужной экзальтации и «судорожных» состояний. Как легко увидеть, в лице Арона (и не только его) западный антикоммунизм воспринимает марксизм как вид патологии, психического заболевания, некоего бреда, – соответственно этому выписываются и «лекарства». (Добавим, что в лице, к примеру, Ханны Арендт, Запад воспринимает коммунизм в целом как опасную болезнь.)

По иронии судьбы, в том же 1955 г., когда вышел ароновский «Опиум интеллектуалов», французскими психиатрами был предложен термин «нейролептик» для обозначения нового класса препаратов с антипсихотической активностью, первым в ряду которых стал синтезированный именно во Франции в 1950 г. хлорпромазин, седативная и антипсихотическая активность открыта в 1952 г. А в середине 1950-х гг., когда начали пропагандироваться многочисленные концепции «деидеологизация» («конца идеологий»), на фармацевтический рынок Запада стали поступать первые нейролептики, прежде всего хлорпромазин, который обрел широкую известность в США под маркой «Торазин» (в СССР – «Аминазин»). Вскоре появились и новые седативные препараты бензодиазепинового ряда, первым из которых стал хлордиазепоксид – синтезирован в 1955 г., вышел в 1960 г. под маркой «Либриум»; затем вышел и сам «Валиум» (1963) – диазепам, синтезирован в 1959 г. С конца 1950-х гг. на рынок стали поступать антидепрессанты, которые поначалу представляли собой вещества той же группы, что и хлорпромазин.

В наши дни западный образ жизни невозможно даже и представить без транквилизаторов, антипсихотиков, и тотальной власти психиатров, так что вполне можно считать сбывшимися мечты американского психолога-бихевиориста Б.Ф. Скиннера, который в утопии «Уолден-2», вышедшей в 1948 г., описал общество, управляемое психологами, превращающими граждан в корректно работающие тела-машины. Речь у Скиннера шла не о препаратах, но о воздействии, осуществляемом с помощью психологического воздействия (инженерии, технологии поведения), но суть от этого не меняется.

Скиннер детально расписывает основы функционирования, структуру, методы управления и контроля поведения граждан своего утопического общества, называемого автором, то ли не замечающим иронии, то ли загипнотизировавшим самого себя, «самым свободным местом на земле». Тогда для этого не хватало только средств контроля – они будут созданы через несколько лет, и психиатры в определенной мере обретут ту власть, которая у Скиннера должна принадлежать его психологам (о теории Б.Ф. Скиннера см: [15, с. 55–66]). Конечно, и эта книга, и особенно работа 1971 года «По ту сторону свободы и достоинства», в которой развивались идеи усиления контроля за личностью и культурой, вызвали волну критики, – по сути дела, Скиннера обвиняли в том, что он, сознательно или нет, раскрыл и

без того известную всем тайну американского образа жизни, которую не было принято тогда (не положено и сейчас) открывать. Тайна эта проста: никакой «индивидуальной свободы» в США, как и на Западе вообще, не существует; а то, что за неё выдается, по Скиннеру, – это социальное отклонение и психическая болезнь, нуждающаяся соответственно в коррекции и лечении.

К чести Скиннера, к психоактивным средствам он относился скептически, если не отрицательно; на деле же подобная утопия без применения каких-либо препаратов не имеет даже и теоретического смысла. Последователи Скиннера, принимая его теорию и опираясь на нее, для «коррекции поведения» принялись разрабатывать и успешно внедрять в социально-медицинскую практику схемы с использованием не только фармакологических препаратов, но и методов электрофизиологии и психохирургии (см.: [15, с. 68–82]). Учитывая всё это, сложно без сарказма отнестись к построениям Арона, к его одам американского образа жизни, к его борьбе за «отрезвление» западноевропейских интеллектуалов и их «освобождение» от излишней тревоги и ажитации, вызванной чрезмерным «пристрастием» к марксизму.

Европейничанье в СССР как низкопоклонство перед Западом

Европейничанье – болезнь серьезная; и по всей видимости, она будет преследовать Россию столько же, сколько будет и существовать Европа как некоторое политическое единство. Вопрос состоит только в том, как определить эпизоды обострения и какие меры предпринять для купирования симптомов, дабы они не получили чрезмерного развития, угрожающего общественному организму; т.е. в том, когда и какие «прививки» и лечебные мероприятия производить. Очевиден тот факт, что Запад не прочь спровоцировать и поддержать вспышки этой болезни: так получаются периоды обострения, логично совпадающие с периодами усиления политического и идейного противостояния России и Запада. Сама книга «Россия и Европа» родилась на фоне одного из подобных эпизодов российско-европейского противоборства: Н.Я. Данилевский возвысив свой голос в защиту наших ценностей и целей, разработал и предложил систему мер защиты от западного влияния и систему рекомендаций в области политики России в отношении Европы.

Почти сразу же после Второй мировой войны коллективный Запад – теперь его возглавляла Америка, тогда как Англия, исполнявшая эту роль ранее, ушла «в отставку», – открыл полосу нового противостояния с Россией-СССР. Извечная западная русофобия, принявшая с образованием первого в мире социалистического государства форму антикоммунизма, по окончании войны разгорелась с новой силой. Бывшие союзники СССР стали врагами. Время от времени антикоммунизм, особенно в США, слишком откровенно напоминал истерию: вспомним маккартизм, «основатель» которого, сенатор Дж. Маккарти, à propos, страдал алкоголизмом и умер по этой причине; вспомним Дж. Форрестола, ставшего символом антисоветской истерии, в

состоянии самого настоящего (а не интеллектуального) психоза покончившего с собой, находясь в психиатрической больнице. Заметим, что эти примеры показывают небезопасность для самих русофобов-антикоммунистов их пароксизмальных страстей и фанатизма, равно как и то, что русофобия, независимо от вида, по меньшей мере очень близка к психотическому состоянию. Ответом СССР на послевоенную антисоветскую кампанию стала кампания по борьбе против низкопоклонства перед Западом, направленная против некоторых (достаточно влиятельных) представителей и тенденций в среде советской интеллигенции. Конечно, и советской лексике тех лет была присуща нетерпимость и определенная доля того же фанатизма и исступлённости. Однако Сталину было важно «вбить» в сознание советской интеллигенции определенные максимы и правила – настолько, что эмоциональный перехлест не казался нежелательным. Лекарство было жёстким – но опасной была и болезнь.

По воспоминаниям К.М. Симонова, Сталин как-то сказал ему: «Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей… у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, нестопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Эта традиция отсталая» [22, с. 126]. В литературе часто говорят о славянофильстве Сталина, когда тот начиная с определенного момента стал говорить о «новом славянофильстве», отличном от дореволюционного «великодержавного панславизма». Это связано с проведением линии славяноцентризма, идейного обоснования единства славянских народов в рамках конструирования единства блока стран народной демократии как основы создаваемой системы мирового социализма.

Впервые на официальном уровне призыв к борьбе с низкопоклонством звучит в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (1946), осуждающем «несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада» [23, с. 67]. На уровень партийной установки новые тенденции выходят в «Плане мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма», утвержденном Агитпропом в апреле 1947 г., где констатируется, что преклонение перед Западом «означает признание духовной зависимости от капитализма, от мира эксплуататоров» [23, с. 111], и что необходимо бороться «против антинаучных теорий об ученической роли русского народа в области науки и культуры перед Западом» [23, с. 112]. Отдельные пассажи этого документа производят такое впечатление, будто бы авторы были хорошо знакомы с главным трудом Н.Я. Данилевского, например: «Необходимо разъяснять, что отдельные группы господствовавших классов России, оторванные от своего народа и чуждые ему, стремились принизить великие достижения русского народа и пресмыкались перед иностранщиной.

Даже такой прогрессивный деятель, как Петр I, перенося в Россию передовые формы жизни Запада, допускал национальное унижение русских людей перед иностранцами. Во второй половине XVIII и в начале XIX века верхушка русского дворянства слепо подражала чужеземным нравам, усиленно пользовалась французским языком и всячески принижала родную русскую речь. Декадентство, охватившее в конце XIX в. и в начале XX века все области идеологии господствующих классов, отмечено чертами низкопоклонства перед самыми реакционными сторонами западной культуры» [23, с. 112].

1947-й стал годом начала глобального советско-западного противоборства и формирования двух мировых блоков – полюсов биполярной системы. «Происшедшие коренные изменения в международной обстановке и в положении отдельных стран в итоге войны, – говорит А.А. Жданов на первом учредительном заседании союза компартий нового типа – Коминформа, состоявшегося в Польше осенью 1947 г., – изменили всю политическую картину мира. Создалась новая расстановка политических сил. Чем больший период отделяет нас от окончания войны, тем резче выделяются два основных направления в послевоенной международной политике, соответствующие разделению политических сил, действующих на мировой арене, на два основных лагеря – лагерь империалистический и антидемократический, с одной стороны, и лагерь антиимпериалистический и демократический, с другой стороны. Основной ведущей силой империалистического лагеря являются США. В союзе с США находятся Англия и Франция…» [11, с. 22].

На том же заседании прозвучал и доклад Г.М. Маленкова, в котором было сказано: «Партии за последнее время пришлось развернуть решительную борьбу с различными проявлениями низкопоклонства и раболепия перед буржуазной культурой Запада, которые имеют известное распространение среди некоторых слоёв нашей интеллигенции и представляют из себя один из пережитков проклятого прошлого царской России. Партии пришлось нанести решительный удар по ряду конкретных проявлений такого низкопоклонства и раболепия, ибо эти проявления представляют собой на данном этапе серьёзную опасность для интересов Советского государства, поскольку агентура международной реакции стремится использовать людей, заражённых чувством раболепия и низкопоклонства перед буржуазной культурой, в целях ослабления советского государства» [11, с. 146–147].

В чем Маленков видит корни «раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной», истоки подобных «антипатриотических поступков»? Конечно, их он находит в пережитках «проклятого прошлого»: «Оторванные от народа и чуждые ему правящие классы царской России не верили в творческие силы русского народа и не допускали возможности, чтобы Россия собственными силами выбралась из отсталости. Отсюда проистекало неправильное представление о том, что русские всегда-де должны играть роль “учеников” у западноевропейских “учителей”» [11, с. 147–148]. Чуть позже в пику тем, кто принимал это положение о вечном «ученичестве»

русского народа, в советской культуре стал популярен лозунг: «Мы являемся учителями всего мира».

Советская идеология определяла космополитизм как преклонение перед «иностранщиной», связанное с презрением к своей стране; и это презрение, а то и ненависть здесь первичны. Об этом хлёстко писал в свой монархический период Л.А. Тихомиров: «Космополитизм нашего образованного класса должен был выродиться в нечто еще худшее. Анархист французский или немецкий ненавидит *вообще* современное общество, а не специально свое – немецкое или французское. Наш космополит, в сущности, даже не космополит, для его сердца не все страны одинаковы, а все приятнее, нежели отечество. Духовное отечество для него – Франция или Англия, вообще “Европа”: по отношению к ним он не космополит, а самый пристрастный патриот. В России же все так противно его идеалам, что и мысль о ней возбуждает в нем тоскливое чувство» [25, с. 76].

В 1949 г. кампания обогащает свою лексику: в качестве обвинения добавляется понятие «космополитизм» (обычно с прибавлением эпитетов «безродный», «оголтелый», «вредоносный»), иногда заменяемое понятием «национальный нигилизм», а вся кампания принимает тот вид, в котором она осталась в истории СССР – кампания против коспополитизма. Первым документом этого ряда было знаменитая статья в «Правде» от 28 января 1949 г. «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» – знаменитая не в последнюю очередь и тем, что в качестве объекта схизматизации были – видимо, намеренно, – выбраны театральные критики, ни от мнения, ни от идейного состояния, ни от «морального облика» которых не зависело ничего в принципе.

Ю.А. Поляков вспоминает: «Статья была напечатана 28 января 1949 г. в газете “Правда”. Напечатана скромно, на третьей полосе (хотя и заняв две ее трети) без подписи, как редакционная, под интригующе-настораживающе-угрожающим заголовком: “Об одной антипатриотической группе театральных критиков”. Интриговало то, почему редакция заинтересовалась какой-то там группой театральных критиков. Настораживало то, что печатается огромная редакционная статья. Угрожающе звучало слово “антипатриотическая” – это являлось уже обвинением политического характера» [18, с. 309–310].

Понятно, что советская пропаганда в качестве цели выставляла куда как более крупную мишень, нежели эти несчастные критики, образы которых представлены довольно-таки карикатурно, как исполнен иронии и общий тон статьи, например: «Именно в театральной критике до последнего времени сохранились гнезда буржуазного эстетства, прикрывающее антипатриотическое, космополитическое, гнилое отношение к советскому искусству. В **театральной** критике сложилась антипатриотическая группа последышей буржуазного эстетства… Эти критики утратили свою ответственность перед народом; являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма; они мешают развитию советской литературы, тормозят ее

движение вперед. Им чуждо чувство национальной советской гордости» [23, с. 235].

На следующий день, 29 января, выходит статья в «Литературной газете» под названием «До конца разоблачить антипатриотическую группу театральных критиков». Тон ее лексики более жёсток, появляется даже агрессивность: «Космополитизм – чуждость жизни и историческим интересам своего народа, холуйское преклонение перед буржуазной культурой Запада и столь же холопское непонимание великой ценности могучей русской национальной культуры и культуры других братских народов СССР. Космополит, злорадно хихикая, силится во что бы то ни стало “обнаружить” ту или иную “параллель”, ту или другую примету сходства явлений русской культуры с культурой Запада. В подлом стремлении доказать, что культура русского народа “заимствована” у Запада, проявляется все ничтожество таких лжедеятелей культуры, людей без роду и племени… влюбленных “во все заграничное”» [23, с. 242].

В дальнейших публикациях этой линии эмоциональная интенсивность не угасает, а «космополиты» обнаруживаются уже и в других областях культуры, например: «Против космополитизма и формализма в поэзии», «Разгромить буржуазный космополитизм в киноискусстве». Однако продолжается это недолго: уже в конце марта 1949 г. антикосмополитическая кампания приглушается. На совещании редакторов центральных газет и журналов 29 марта 1949 года в Агитпропе ЦК 29 марта 1949 г. прозвучали призывы прекратить перехлест и нелицеприятную риторику в отношении советских деятелей культуры и науки. Так, один из участников совещания, В.В. Ермилов, сказал: «Главная задача заключается в утверждении советского патриотизма, чтобы тема борьбы с безродным космополитизмом шла в связи с утверждением позитивных ценностей нашей социалистической культуры… и чтобы борьба с буржуазным космополитизмом приобрела неизмеримо более глубокий, лишенный какой-либо крикливости, характер» [23, с. 340]. Часто стали появляться публикации, направленные уже против оголтелых критиков космополитизма.

Космополитизм все больше связывается не с советской культурой, а с американским империализмом; источником космополитизма объявляются США: так, статья в «Правде» от 7 апреля 1949 г. называется «Космополитизм – идеологическое оружие американской реакции». В советской идеологии усиливается мысль о том, что США установили экономической и политический диктат над Европой, превратив её в свой протекторат (собственно, так оно и было; да и по сей день Европа полностью подвластна командам из Вашингтона). В статье говорится: «В современных условиях космополитизм является идеологией американского господства над всем миром, идеологией подавления свободы и независимости народов – больших и малых, идеологией колонизации европейского – и не только европейского – континента» [23, с. 372].

Антиамериканская (и отчасти антианглийская) пропаганда усиливается, время от времени опять-таки сбиваясь на крик и брань. Руководство, надо

отдать ему должное, замечает это и вовремя одёргивает излишне увлекшихся пропагандистов, требуя разбора по существу, а не замены разоблачений ругательствами, т.е. серьезной работы. Так советская контрпропаганда обретает смысл и назначение, во многом подстегивая идеологию и стимулируя разработку идейных инноваций, развитие марксизма-ленинизма.

Европа, оказавшись между США и сталинской Россией, выбирает Америку и американизм, оставаясь враждебной России, сохраняя свою изначальную ненависть, пусть даже и ценой потери лица и сущности. Американские стратеги дополняют свои планы экономического и политического захвата Европы планами интеллектуального закабаления, что и было успешно осуществлено ориентировочно в 1990-м гг., когда гегемония США распространилась на все области жизни Запада. Это положение сохраняется и сейчас. Удивительное дело: с приходом в мировую политику гегемонизма США (что можно датировать временем президентства В. Вильсона) Европе приходится прилагать всё больше усилий и идти на все большие жертвы для сохранения интенсивности своей антироссийской политики, – при том, что одновременно она стремительно теряет самостоятельность, жертвуя своими интересами, ресурсами, наконец, *народами*. Психоз русофобии все стремительнее истощает Европу, и тем не менее она остается на этой позиции, потому что это в высшей степени выгодно ее американским хозяевам, не позволяющим делать никаких шагов к выздоровлению или хотя бы к облегчению страданий; не позволяющим даже и задуматься над этим печальным положением.

Литература

1. *Арон Р.* Опиум для интеллигенции. Мюнхен: ЦОПЭ, 1960. 235 с.
2. *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М.: Булат, 2001. 416 с.
3. *Буренков А.В.* Творческое наследие Н.Я. Данилевского и задачи России в XXI веке // Творческое наследие Н.Я. Данилевского и задачи России в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции, г. Курск, 26–27 ноября 2014 г. / Ред. кол.: Буренков А.В. (сопредс.). Курск: Изд-во КГСХА, 2014. С. 12–50.
4. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции / Вступ. ст. А.А. Тесля. М.: РИПОЛ классик, 2017. 330 с.
5. *Гиренок Ф.И.* Россия и Европа: что изменилось после Данилевского? // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 195–198.
6. *Громов Е.С.* Сталин: власть и искусство. М., 1998. 495 с.
7. *Данилевский Н.Я.* Горе победителям. Политические статьи. М.: Алирь, Облиздат, 1998. 416 с.
8. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
9. *Дверницкий Б.Г.* Данилевский – основоположник русской историософии // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 66–75.

10. Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сб. док-тов / Отв. ред. В.Н. Гинев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. 752 с.
11. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М.: Госполитиздат, 1948. 308 с.
12. *Кулиев Ф.М., Кулиева Н.В.* «Европейничанье» как болезнь русской жизни // Вестник экспертного совета. 2020. № 4. С. 90–93.
13. *Курабцев В.Л.* 1917 год: Прорыв в будущее или катастрофа? // Литературоведческий журнал. 2017. № 41. С. 63–81.
14. *Мощелков Е.Н.* «Русская идея»: прошлое и настоящее // Вестник Российской нации. 2015. № 2. С. 70–80.
15. *Наэм Дж.* Психология и психиатрия в США. М.: Прогресс, 1984. 304 с.
16. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо, Алгоритм, 2000. 352 с.
17. *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. 391 с.
18. *Поляков Ю.А.* Историческая наука: люди и проблемы. М.: РОССПЭН, 1999. 454 с.
19. *Расторгуев В.Н.* Цивилизационный путь России: Избранные труды. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2022. 444 с.
20. Сборник «Вехи» в контексте русской культуры / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2007. 426 с.
21. *Седакова О.А.* Европейская идея в русской культуре. Ее история и современность // Свет Христов просвещает всех: Альманах Вестник Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2013. № 7. С. 74–90.
22. *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М.: Книга, 1990. 432 с.
23. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005. 768 с.
24. *Тихомиров Л.* Воспоминания. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2003. 617 с.
25. *Тихомиров Л.А.* Россия и демократия. М.: ФондИВ, 2007. 464 с.
26. *Федотов Г.П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. Статьи американского периода. М., 2004. 383 с.
27. *Целыковский А.А.* Понятие русского мессионизма в философии Н.А. Бердяева: от Третьего Рима до Третьего Интернационала // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2015. № 3. С. 107–113.
28. *Ширинянц А.А.* Сборник «Вехи» и новая миссия интеллигенции // Тетради по консерватизму. 2017. № 4. С. 137–149.